

- "Мы бы хотели" -

- "Нет," говорю я, в который раз прерывая её. Она начинает раздражаться хотя хорошо это прячет. В её словах даже есть смирение, она знает что это никуда не приведёт, но будучи солдатом до мозга костей, она будет пытаться так или иначе. Я рассматриваю возможность сказать ей уйти, но быстро избавляюсь от этой мысли. Как бы неприятно это ни было, я должна оставаться дипломатичной.

Она почти вздыхает, выдох, что она сдавливают в обычный в последнюю секунду. Сдержанность важна, но прокол важнее. Она сдаётся, она попытается ещё раз, а затем оставит меня в покое. Молчаливо, мисс Ополчение тянется в карман и вытаскивает брошюру, как объявление, что ожидаешь увидеть в комнате ожидания у дантиста. Картинка заполняет лицевую сторону, но наверху стоит "Стражи". Печать бездушна и я ничего не могу поделать с ощущением, будто она презентовала мне труп.

С отвращением я повторяюсь, "Нет."

Мы в парке, потому-что я отказалась идти в библиотеку или книжный. Мой отец не понимает причины. Это места, в которые он ходит, когда думает о словах, но для меня это мавзолей, пыльные гробницы для мертвых. Когда бы я ни пыталась объяснить, он замирает, глаза расфокусированы. Он может слышать звуки, может даже почувствовать проблеск значения, но настоящего понимания нет.

Он говорит о погоде, о работе, он говорит ради разговора, чтобы отвлечься от своих страхов, и заполнить мою знающую тишину. Он огорчает меня и я не могу - не стала бы - говорить ему насколько. Я слишком сильно его люблю. Скоро мне придётся уйти.

Руки охватывают мою шею, но прежде чем они они могут сжаться, я говорю.

- "Вниз," говорю я, и София падает как сброшенный якорь. Она стоит на руках и коленях, простираясь передо мной. Я рассматриваю её мгновение, мимолётный момент искушения, но в конечном счёте последствия того не стоят. Я перешагиваю через неё, игнорируя скулёж Эммы и Мэдисон в углу и тянусь вниз, подбирая книгу моей матери.

Она разрушена. Страницы были разорваны на куски. Половина лежит на полу клочками, вторая свисает из плетения как выпотрошенные кишки. Я сглатываю рвоту обратно. Её не восстановить, но с другой стороны, думаю я, это не то, чего бы она хотела.

Солнце светит ярко над головой и я, как и всегда, пишу. Это вечный момент. Нахожусь ли я за письменным столом или в парке или на крыше с девочкой или стою с толпой на нефтяной вышке, я пишу. Я всегда пишу.

На нефтяной вышке, человек состоящий из металла, из группы ближайшей ко мне, осторожно смотрит на меня. Мне не нужно слышать его говорящим, чтобы знать что я ему не нравлюсь, я здесь никому не нравлюсь. Сдержанные позы, косые взгляды, эти жесты почти как сами слова. Почти, почти, почти. Я не могу прочесть его истинные намерения, пока он не скажет что-нибудь.

Вместо этого, партнёр металлического парня - симбиот, что закрепился на нём своими тентаклями - заговаривает. "А что она здесь делает?"

Паразит, замечаю я про себя. Полагается на него ради существования, если и не физически, то эмоционально.

Металлический парень не отвечает. Он не настолько глуп.

Рёв сирен прерывает мои мысли. Не потому-что звук громок и неприятен(это так), а потому, что что я знаю что он значит. Я выбегаю наружу и почти врезаюсь в толпу людей. Они выскочили из каждого здания и улицы, все яростно пытаюсь протиснуться вперёд.

Я слаба, меня поглотят. Приходится кричать.

-"В сторону!"

Толпа делится в библейском стиле, люди падают друг через друга, чтобы уйти с моего пути. Беспрепятственно, я бегу по открытой линии в толпе спрессованных тел. Этого не достаточно, я не доберусь до отца вовремя.

Меня достигает голос, слабо. Он далеко, но я прослеживаю источник. Блондинка в белом костюме летит в небе. Её зовут Слава и она говорит скороговоркой по телефону.

Она не замечает меня, слишком занята своими собственными тревогами. Я кричу ей.

- "Подойди!"

Телефон выскальзывает из её пальцев и она поворачивается вокруг в воздухе. Она спускается и поднимает меня в руках. Её лицо искажается, изменяется способом, который мне не понять. Она не может говорить.

- "Вперёд," говорю я и она летит.

Холод прокрадывается через стены, снег собрался на подоконнике. Я пишу.

Дверь с грохотом распаивается и вооружённые мужчины заполняют квартиру. Пистолеты направлены на меня, некоторые - более летальные, чем другие.

- "Wordsmith," говорит Дракон, её слова идут из динамиков и искажения напрягают меня, "Пожалуйста."

Это ненужная просьба. Если она хочет арестовать меня, она может. Она привела агентов, а её звуковые сенсоры были заглушены. Она просто проявляет учтивость, она настаивает на этом, как если бы от этого зависела её жизнь.

Я встаю, и напряжение в комнате вскакивает, пальцы стремятся сжать курки. Я поднимаю руки и позволяю авторучке упасть.

<http://tl.rulate.ru/book/17935/366709>